

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНТИЧНОГО СКЕПТИЦИЗМА

Д.А. Гусев

Кафедра философии

Московский педагогический государственный университет
пр-т Вернадского, 88, МПГУ, Москва, Россия, 117571

Родоначальником античной скептической школы считается греческий философ Пиррон из Элиды (около III в. до н.э.), однако скептические элементы присутствовали в греческой философии задолго до Пиррона. Данная статья посвящена рассмотрению скептических элементов в греческой допирроновой философии; при этом авторское внимание сосредоточено на аналитико-оценочной характеристике признаков скептицизма предшествующей философии в качестве предпосылки и условия возможности формирования скептицизма как философского направления.

Скептические тенденции присутствовали в большей или меньшей степени в греческой философии задолго до оформления в ней самостоятельной скептической школы. Некоторые античные источники говорят о весьма древнем происхождении скептицизма и распространяют его влияние достаточно широко. Так, например, знаменитый историк античной философии Диоген Лаэртский сообщает, что часто начинателем скептической школы называют Гомера: «Некоторые говорят, что эта школа основана Гомером, потому что он, как никто другой, говорил об одном и том же в разных местах разное и нисколько не стремился к догматической определенности своих высказываний» [Diog. L. IX. 71]. Скептическими также, передает Диоген, считают изречения семи мудрецов, такие, как «Ничего слишком» и «За порукой — расплата». Кроме того, скептицизм приписывают, по свидетельству Диогена Лаэртского, Архилоху, Еврипиду, Ксенофану, Зенону Элейскому, Демокриту, Гераклиту и Гиппократу [Conf.: Diog. L. IX. 71—73]. Цицерон причисляет к сторонникам скептицизма Эмпедокла, Анаксагора, Парменида, Платона, Сократа, Метродора Хиосского, стоиков и киренаиков [Conf.: Cic. Acad. II. 5, 23]. По Цицерону, досократические философы, несмотря на всю, на первый взгляд, их «нескептичность», вполне могут рассматриваться в качестве предшественников скептицизма, так как они в отчаянии от трудностей познания «воскликали, как безумные, что познать ничего нельзя» [16. С. 8—9].

Такого рода свидетельства Рауль Рихтер объясняет стремлением античных авторов найти опору импонирующим им воззрениям в учениях великих предшественников, приписать эти взгляды непреложным авторитетам, апеллирование к которым всегда было негласным правилом и чуть ли не долженствованием [13. С. 40—41]. Однако сами скептики не придерживались этой тенденции. Так, Менодот и Энесидем не считали Платона скептиком [Conf.: Sext Emp. Pyrrh. I. 222—223], а Секст Эмпирик особенно заботился о том, чтобы отграничить скептическую философию от родственных или пересекающихся с ней в том или ином пункте взглядов [Conf.: Sext Emp. 210—241].

В данном случае следует отметить, что частичный или методологический скептицизм не чужд любому философскому построению, так как воззрение, утверждающее что-либо, именно в целях этого утверждения должно отрицать противоположное или сомневаться в нем, т.е. относиться к нему скептически. Поэтому неудивительно, что скептицизм, а вернее, его элементы, так или иначе содержатся в любой философской конструкции. Никакая система взглядов, как правило, не может обойтись без относительного скепсиса. Не удивительно поэтому, что авторы, симпатизирующие скептицизму, усматривают его почти везде, причем это, как мы только что показали, не только оправдано, но и необходимо. Понятно и то, что сами скептики решительно отграничивали частичный скептицизм любой философии от своего абсолютного скепсиса, который был для них самоцелью, подчеркивая принципиальное различие и даже противоположность двух типов скептицизма: первый был в конечном счете только элементом положительного догматизма (по словам скептиков), второй же — самостоятельным сомнением.

Тем не менее, скептики все же ссылались на мыслителей досократического и классического периодов не как на своих непосредственных предшественников, а как на философов, которые выработали некоторые приемлемые для скептиков аргументы. Английский исследователь Д. Седли отмечает: «Из ранних философов, к авторитету которых часто апеллируют скептики эпохи эллинизма, некоторые заслужили почтение не столько отсутствием догматизма, сколько благодаря тому, что они выдвинули пригодившиеся скептикам аргументы. Гераклит, элеаты, Анаксагор и Протагор — известные примеры. Другие, такие, как Ксенофан, Эмпедокл, Демокрит и Сократ, завоевали почет у скептиков благодаря признанию, по крайней мере, в моменты уныния, того, что знание недостижимо или до сих пор не было достигнуто людьми» [21. P. 9].

Милетские философы искали первоначало мира в чем-то материальном или вещественном, находя его в воде (Фалес), в воздухе (Анаксимен), бесконечном (Анаксимандр). Однако с не меньшим основанием можно было усмотреть первоначало в чем-либо идеальном (форме, понятии, идее), что и сделал Пифагор, объявив мировым началом число. Скептическая тенденция у милетцев заключается в отходе от народной религии и мифологии, а у Пифагора — в его знаменитом утверждении о том, что мудростью невозможно обладать, что можно только любить ее, стремиться к ней. Кроме того в лице милетских философов и Пифагора античная мысль получила два противоречащих друг другу

мировоззрения, само противостояние и антагонизм которых неизбежно породили сомнение в каждом из них.

Любое изменение, невозможность которого доказывали элейские философы, всегда является возникновением, образованием чего-то из ничего, что немислимо. Поэтому всякое изменение, движение и множественность, вследствие немислимости, не существуют, являясь иллюзией, обманом. Сущим же является то, что можно ясно мыслить — неподвижное, безграничное, единое, вечное бытие. Элеатам противостоит Гераклит, полагавший, что весь мир — непрерывный процесс прехождения и становления, всеобщая текучесть: «Все течет и ничто не становится» [Plat. Crat. 440a, 440c. Theaet. 152 d, 182 c. Arist. Metaph. XII. 4. 2]. У элеатов и Гераклита наблюдается еще больший отход от народной религии и мифологии. Основатель элейской школы Ксенофан выступил с блестящей критикой олимпийской религии, а Гераклит противопоставил народному политеизму свой философский монизм. Кроме того, элеаты пришли к выводу об обманчивости чувственного познания, поскольку чувства постоянно свидетельствуют об изменении и множественности. Для обоснования же своего мыслимого бытия они тонко доказывали невозможность очевидных вещей (движения и делимости), положив этим начало «диалектике» — искусству оспаривания очевидного и доказательства того, что любое положение можно с одинаковыми основаниями утверждать и отрицать. В подтверждение наличия скептических элементов в элейской философии отметим, что, во-первых, Горгий выводил свои скептические положения из основных элеатских принципов, во-вторых, Тимон, высмеивая всех философов, с уважением относился только к Пиррону и элеатам. Что же касается их мыслимого бытия, то оно явилось, по справедливому замечанию А.Ф. Лосева, «лишь результатом первого увлечения от раскрытия разницы между ощущением и мышлением». Также Лосев отмечает, что «...этот принцип непознаваемого и нерасчлененного бытия, или единства, весьма мало спасал элеатскую натурфилософию от скептицизма» [12. С. 9—10].

Скептическая тенденция, несомненно, представлена в релятивизме Гераклита: возможно ли достоверное познание мира, который представляет собой вечно текущий хаос. Отсюда — недоверие к чувственному познанию в учении Гераклита [Conf.: Diels. 12. В 107. Sext. Emp. Adv.math. VII. 120]. Однако последний все же далек от скептицизма, так как в его философии наряду с хаосом присутствует логос — мировой закон, проявлением и выражением которого и выступает хаос (за всеобщим беспорядком стоит абсолютный и незыблемый порядок, вечный и нерушимый принцип мира). Однако некоторые ученики Гераклита делали из его учения крайне релятивистские выводы. Так, например, Кратил полагал, что «...не следует [даже] говорить ничего, но только двигал пальцем и ставил в упрек Гераклиту его слова, что нельзя дважды войти в ту же самую воду. А именно, сам он думал, что [этого нельзя сделать] даже один раз» [Arist. Metaph. III. 5. 18].

В системе Демокрита присутствуют отчетливо выраженные скептические элементы. Абдерский мыслитель утверждал, что носителем бытия может быть

только неделимая частица (атом), которая, никогда не распадаясь на части, существует вечно. По Демокриту, атомы движутся в пустоте и их соединение ведет к образованию вещей, а их разъединение — к гибели вещей. Таким образом, последние — всего лишь временная комбинация атомов, в силу чего и сами вещи, и их свойства — не столько сущее, сколько его иллюзия. А познание чувственного мира, следовательно, недостоверно, так как никто не может обнаружить подлинной реальности — атомов и пустоты. «По установленному обычаю сладкое и по обычаю горькое, по обычаю теплое, по обычаю холодное, по обычаю цветное, — говорит Демокрит, — в действительности же — атомы и пустота» [Diels. 55. В 9. Sext. Emp. Adv.math. VII. 135]. Мед сам по себе ни сладок, ни горек — это всего лишь комплекс атомов, он есть «ничуть не более» то, чем другое [Conf.: Sext. Emp. Pyrrh. I. 213—214]. В этической же сфере Демокрит провозгласил такой же жизненный идеал атараксии (невозмутимости), который проповедовали и скептики. Существует даже точка зрения, высказанная Гирцелем, что демокритовское учение явилось единственным источником скептицизма Пиррона. Подробно рассматривает и критикует этот взгляд Рихтер [13. Прим. С. VI]

Скептические элементы в учении Демокрита развили его ученики. Так, Метродор Хиосский утверждал: «мы ничего не знаем; и мы не знаем даже того, что ничего не знаем» [Sext. Emp. Adv.math. VII. 88]. Анаксарх же и Моним сравнивали сущее с театральной декорацией и считали его подобным тому, что происходит во время сновидений или сумасшествия [Conf.: Sext. Emp. Adv. math. VII. 88].

Рано или поздно, вследствие философской разноречивости, должен был встать вопрос о возможностях и границах человеческого познания. Правомерно утверждать, что элементы гносеологической проблематики возникли в досократической философии. Однако более пристальное внимание к ней начали проявлять софисты. Они, несомненно, стояли гораздо ближе к скептицизму, чем их предшественники. Знаменитое высказывание Протагора о том, что «человек — есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, не существующих, что не существуют» [Diels. 74. В 1 = Sext. Emp. Adv.math. VII 60—61 = Diog. L. IX. 51], по сути единственное дошедшее до нас свидетельство выдающегося софиста, толковали неодинаково. По свидетельству Рихтера, Грот, Лаас, Гомперц, Хальбфас и другие утверждали, что в протагоровом тезисе имеется ввиду весь человеческий род, а не отдельное лицо, и потому он имеет не индивидуальное, а общее значение. Это опровергается, отмечает Рихтер, свидетельствами Платона, Аристотеля, Демокрита, Секста, а в настоящее время Целлером, Наторпом, Мейером [13. Прим. 30. С. VII].

По всей видимости, данное положение Протагора представляет собой тезис, лежащий в философском русле субъективизма: истинно для каждого человека то, что представляется, кажется или является ему таковым. Кроме того, Протагор отрицал всякое познание, кроме чувственного: «сверх того, что дают нам наши ощущения, душа наша есть ничто» [Diog. L. IX 51]. Из сказанного можно сделать двоякий вывод: возможно, предполагает Лосев, положение Про-

тагора о человеке как мере всех вещей следует понимать как утверждение, что все истинно и ничего ложного нет, или наоборот [См.: 12. С. 11].

Или же возможно признать в тезисе Протагора сплошное сомнение. В любом случае мы ясно видим у Протагора субъективистскую тенденцию, а следовательно, возможность с одинаковым основанием утверждать и отрицать любой тезис, т.е. принцип изостении (*ἰσοσθένεια*), который является, о чем пойдет речь далее, одним из краеугольных камней скептицизма. Принцип изостении был впервые провозглашен именно Протагором, который, как сообщает Диоген Лаэртский, «впервые говорил, что обо всякой вещи могут быть высказаны два противоположных друг другу утверждения» [Diog. L. IX. 51]. Хорошо иллюстрирует изостенические позиции Протагора его высказывание о богах: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют; многое препятствует мне узнать это и прежде всего — темнота предмета и краткость человеческой жизни» [Diog. L. IX. 51].

По сообщению Секста Эмпирика, Горгий в своем сочинении «О не-сущем, или О природе» оригинально сформулировал софистическое учение, скомпоновав последовательно три главы: первую — о том, что ничего не существует; вторую — о том, что даже если оно существует, то оно непостижимо для человека; и третью — о том, что если оно и постижимо, то уж во всяком случае невысказуемо и необъяснимо для другого» [Diels. 76. В 3 = Sext. Emp. Adv.math. VII. 65]. Что касается первых двух тезисов, то Горгий не утверждает их догматически, допуская обратное (о чем свидетельствует имплицативное построение второго и третьего тезиса — «если..., то»). Поэтому в целом его положение изостенично.

Так как софисты были, по преимуществу, платными учителями мудрости, то философствование для них, по всей видимости, не являлось самоцелью. Возможно, поэтому значительный скептический заряд греческой софистики не превратился в собственно философский скептицизм. В. Брошар отмечает, что в софистике преобладает юношеская активность, в пирронизме — старческая усталость [13. Прим. 46. С. X]. Макколл также подчеркивает, что софисты жили, в отличие от пирроников, не любовью к счастью, а любовью к истине («not from love of happiness but from love of truth») [19. P. 17]. (Здесь, видимо, следует отметить, что речь идет о той истине, согласно которой единой и общепринятой истины не существует.)

Сократовское противостояние субъективизму и релятивизму софистов заключается, прежде всего, в утверждении, согласно которому, несмотря на все субъективные особенности людей, непременно должно быть что-то общее для всех, которое поднимается над различиями между людьми и объединяет последних, и что целью философии является как раз нахождение и обоснование этого общего. Однако эвристический метод, которым Сократ шел к этой цели, содержал в себе существенный скептический элемент: ведь каждый человек, по Сократу, должен не слепо следовать авторитетному суждению, но самостоятельно, через сомнения, противоречия, недоумения и разочарования искать истину. Именно за этот методический, инструментальный скепсис современники

и обвинили выдающегося философа в нечестии ($\acute{\alpha}\sigma\acute{\epsilon}\beta\epsilon\iota\alpha$), выражавшемся будто бы в неуважении к государственным законам и развращении юношества.

Учения Платона и Аристотеля, несмотря на весь свой объективизм, не были чужды отчетливо выраженных скептических тенденций. Так, например, в диалоге «Тимей» Платон подчеркивает, что нет ничего удивительного в том, что «...мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего» [Plat. Tim. 29 c-d]; и в другом месте он говорит, что: «наше исследование должно идти таким образом, чтобы добиться наибольшей степени вероятности» [Plat. Tim. 29 c-d]. Скептические элементы в учениях таких нескептических философов, как Платон и Аристотель, объясняются тем, что в их системах помимо абсолютного бытия (идей и форм) присутствует также материя, которая трактуется или как небытие, несущее, или как инобытие. И если идеи у Платона и формы у Аристотеля являются гарантом устойчивости и безусловности мира, то материя выступает у них как источник его неопределенности и неустойчивости. Она является всего лишь «восприемницей» [Plat. Tim. 29 c-d. 41a: «всякого рождения восприемница и кормилица», там же. 51a: «мать и восприемница всего чувственного»] бытия и поэтому «...о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере» [Plat. Tim. 29 c]. В результате этой неустойчивости, отмечает Платон, любая вещь может быть совсем не тем, чем она нам в тот или иной момент является [Conf.: Plat. Tim. 48e — 50a], а значит, и наши суждения об этих переходящих вещах могут носить только вероятностный характер [Conf.: Plat. Tim. 56c]. В учении Аристотеля рассуждения о неустойчивости и относительности вещей содержатся в трактате «Топика», который посвящен трактовке действительности как структуры постоянно становящейся и потому, в известной степени, непредсказуемой. Неисчислимо количество различных граней, сторон или нюансов (топосов) мироздания придает ему бесконечное качественное многообразие. Кроме того, вечное взаимодействие и движение этих нюансов обуславливает вероятностный и переходящий характер всего космоса.

Итак, при всей положительности, которая в целом характерна для различных учений греческой философии во всех ее периодах, эллинские мыслители говорили и о таких сторонах бытия, которые заставляли понимать его не только как нечто стабильное, гармоничное, абсолютное и безусловное, но и как процесс становления и изменения, как нечто неустойчивое, релятивное, в какой-то мере даже случайное, и потому во многом условное и непредсказуемое. Как видим, задолго до появления скептической школы в эллинской философии вполне оформилось, среди прочих, представление о мироздании как о чем-то нестабильном и труднодоступном для познания. Скептикам оставалось сосредото-

читать свое внимание именно на таком миропонимании, всесторонне обосновать и разработать его.

Кроме того, сам исторический контекст конца IV — III вв. до н. э. благоприятствовал возникновению скептицизма как самостоятельного философского направления. Начавшаяся с похода Александра на Восток эллинистическая эпоха отличалась крайней нестабильностью как экономических, так и политических, и социальных, и культурных реалий. Историческая жизнь и индивидуальное существование характеризовались в это время, прежде всего, мрачной непредсказуемостью и потерей всех прежних гарантий и ориентиров. Вековое размеренное и спокойное течение жизни было разрушено в течение нескольких лет, и человек из тихой и мирной обители полиса был брошен в водоворот бующей эллинистической стихии, где незащищенный мог без следа исчезнуть навеки.

Такие исторические условия способствовали возникновению скептицизма двояким образом. Во-первых, всеобщая относительность и неустойчивость жизни вызывали, естественно, пессимизм, безверие, сомнение, то есть порождали так называемый бытовой скепсис или скептицизм настроения. А любое состояние или настроение неизбежно начинает создавать себе теоретическое обоснование и подтверждение. Таким образом, скептицизм настроения, спровоцированный конкретной исторической ситуацией, порождал или стимулировал скептицизм философский. Во-вторых, уже известные исторические реалии, в этической сфере характеризовавшиеся потерей всяких внешних, общезначимых основ, ориентиров, принципов и гарантий для индивида, неизбежно заставляли его искать постулаты уже не вне, а внутри себя, поворачивали человеческую мысль, главным образом, к этической проблематике, вызывая к жизни необходимость теоретического обоснования субъективизма, этико-философский поиск индивидуального счастья. Появившиеся в это время философские школы разными путями шли к одной и той же заветной цели. Самодостаточное счастье (эвдемония) у эпикурейцев — результат отклонения от мира, у стоиков же, наоборот, — результат следования ему, у скептиков — ни то, ни другое, но решительное сомнение во всем.

Итак, античный скептицизм, с одной стороны, явился определенным результатом отдельных, более или менее выраженных, скептических тенденций в развитии греческой философии от досократического до эллинистического периода; с другой стороны, он представляет собой своего рода интеллектуальную реакцию на появление философской приоритетности безусловной эвдемонистической ориентации эллинизма, которая нашла свое выражение в философских построениях не только скептиков, но также эпикурейцев, стоиков, киников, киренаиков и была во многом обусловлена социально-экономической и политической нестабильностью и, как следствие, эмоционально-психологической неустроенностью, характерной для этой эпохи. В допирроновой философии скептицизм хотя и существовал в виде отдельных фрагментов, тем не менее, в целом представлял собой существенную струю в античном философствовании, которая во многом определила его тип и специфику.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Aristoteles. *Metaphysica* // Aristoteles. Opera. Tom. VIII. Oxonii, 1837. Аристотель. Метафизика. Пер. А.В. Кубицкого // Аристотель. Сочинения в 4 томах. — Т. 1. — М.: Мысль, 1975. — С. 63—367.
- [2] Aristoteles. *Topica* // Opera. Tom. I. — P. 258—422. Аристотель. Топика. Пер. М.И. Иткина // Аристотель. Сочинения в 4 томах. — Т. 2. — М., 1978. — С. 347—531.
- [3] Cicero. *Academicorum libri duo* // Cicero. Opera quae supersunt omnia. — Tom. XIII. Lipsiae, 1816. — P. 3—164. Цицерон М.Т. Учение академиков. Пер. Н.А. Федорова. — М.: Индрик, 2004.
- [4] *Diels H.* Die Fragmente der Vorsocratiker. Griechisch und Deutch. — Berlin, 1903; *Маковельский А.О.* Досократики. — Казань, 1914. — Ч. I; 1915. — Ч. II; 1919. — Ч. III; *Маковельский А.О.* Древнегреческие атомисты. — Баку, 1940; Фрагменты ранних греческих философов. — Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Пер. А.В. Лебедева. — М.: Наука, 1989.
- [5] Diogenes Laertius. *De vitis, dogmatis et apophthegmatis clarorum philosophorum libri X.* Vol. I—II. — Lipsiae, 1828—1831. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М. Л. Гаспарова. — М.: Мысль, 1979.
- [6] Plato. *Cratylus* // *Platonis Dialogi.* Vol. I. — Lipsiae, 1873. — P. 157—236; Платон. Кратил. Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Сочинения в 3 томах. Т. 1. — М.: Мысль. 1968. — С. 413—491.
- [7] Plato. *Theaetetus* // *Platonis Dialogi.* Vol. I. P. 237—338. Платон. Теэтет. Пер. Т.В. Васильевой // Платон. Сочинения... Т. 2. — М., 1970. — С. 223—317.
- [8] Plato. *Timaeus* // *Platonis Dialogi.* Vol. IV. P. 319—406. Платон. Тимей. Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Сочинения... Т. 3. Ч. 1. — М., 1971. — С. 455—541.
- [9] Sextus Empiricus. *Adversus mathematicos sive disciplinarum professores libri VI et Adversus philosophos libri V* // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom II. — Lipsiae, 1841; Секст Эмпирик. Против ученых. Пер. А.Ф. Лосева // Секст Эмпирик. Сочинения в 2 томах. — М.: Мысль, 1976. — С. 7—204.
- [10] Sextus Empiricus. *Pyrrhoniatarum institutionum Libri III* // Sextus Empiricus. Opera... Tom. I. Lipsiae, 1840. Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений. Пер. Н.В. Брюлловой-Шаскольской // Секст Эмпирик. Сочинения. — Т. 2. — С. 205—380.
- [11] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Ранний эллинизм. — М.: Искусство, 1979.
- [12] *Лосев А.Ф.* Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Сочинения в 2 томах. — Т. 1. — М.: Мысль, 1976. — С. 5—58.
- [13] *Рихтер Р.* Скептицизм в философии. — Т. 1. Пер. В. Базарова, Б. Столпнера. — СПб.: Шиповник, 1910.
- [14] *Семушкин А.В.* Античный скептицизм. Лекция 1. Пирронизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». — М., 1997. — № 1. — С. 176—187.
- [15] *Семушкин А.В.* Античный скептицизм. Лекция 2. Эволюция пирронизма. Неопирронизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». — М., 1998. — № 1. — С. 66—73.
- [16] *Сокольская М.М.* Бесконечное приближение к истине // Цицерон М.Т. Учение академиков. Пер. Н.А. Федорова. — М.: Индрик, 2004. — С. 4—48.
- [17] *DeLacy Ph.* Οὐ μᾶλλον and the antecedents of ancient skepticism // *Phronesis.* — 1958. — Vol. 3. — No. 1. — P. 59—71.
- [18] *Frede M.* Essays in Ancient Philosophy. — Oxford: Clarendon Press, 1987.
- [19] *Maccoll N.* The Greek Sceptics from Pyrrho to Sextus. — London and Cambridge: Macmillan and Co., 1869.

- [20] *The Skeptical Tradition*. Ed. By Burnyeat M. — Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983.
- [21] *Sedley D.* The Motivation of Greek Scepticism // *The Skeptical Tradition*. — 1983.

THE PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL ATECEDENTS OF ANCIENT GREEK SKEPTICISM

D.A. Gusev

Moscow teachers-training state university
subfaculty of philosophy
Vernadskogo pr., 88, Moscow, Russia, 117571

The founder of ancient sceptical trend is considered greek philosopher Pyrrho from Elith (about III c. B.C.), but sceptical elements had also circulation in Greek philosophy before Pyrrho. These elements are analysed by the author of the article.